

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ

М.К. Чуркин

**РЕЦЕНЗИЯ: РЫНКОВ В.М., ИЛЬИНЫХ В.А. ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОТЯСЕНИЙ:
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ В 1914–1924 гг. /
ПОД РЕД. А.А. НИКОЛАЕВА. НОВОСИБИРСК, 2013. 244 с.**

В фокусе внимания авторов монографии «Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг.» – аграрный сектор Сибири в катастрофическую эпоху социальных катаклизмов. Первая мировая война и революционные события, инициировавшие крупнейшее в истории России гражданское противостояние, не могли не затронуть сферы аграрного производства, само существование которой обеспечивалось включённостью в сельскохозяйственные процессы значительной части населения страны. Актуальность заявленной проблематики – несомненна, по крайней мере, вследствие двух оснований. Во-первых, предметная область работы охватывает сельское хозяйство Зауралья как основную отрасль экономики, в системе координат которой на рубеже XIX–XX вв. реализовывался оригинальный опыт трансляции российской агрономической культуры в принципиально новые условия жизни и хозяйствования. Во-вторых, социальные потрясения в России, выделенные авторами в хронологические параметры 1914–1924 гг., существенным образом видоизменили содержание процесса инкорпорации колонизируемых территорий азиатской части страны в общегосударственный конструкт. Общеизвестно, что уже с началом Первой мировой войны был нарушен относительно стабильный ход крестьянской колонизации региона. Мобилизационные мероприятия, продолжившиеся в годы революции и гражданской войны, вытягивали из сельской среды наиболее работоспособный сегмент аграрного сектора. Происходили качественные изменения в социальной и демографической структуре населения сибирской деревни. Важно, что эти процессы разворачивались на фоне во многом взаимоисключающих доминаций: традиционного восприятия властью, в том числе и советской, Сибири как источника сельскохозяйственного сырья и строительства новой идеологической модели, в рамках которой постепенно выстраивались репрессивные подходы к организации аграрного производства на восточной окраине.

Избранный авторами монографии временной промежуток во многом позволяет проследить имманентность развития аграрного сектора экономики Сибири вне оконтуренного влияния политической составляющей, что определялось ситуацией социального хаоса, в круговорот которого окраинные территории втягивались медленно и фрагментарно. Уже в преамбуле рабо-

ты В.М. Рынков и В.А. Ильиных фиксируют факт мощной зависимости аграрного производства вообще и сибирского земледелия в частности от обстоятельств природно-климатического характера, подчёркивая, что «метеозависимость» аграрного производства сочеталась с влиянием политического, агротехнологического и экономического факторов. В этой связи исследователи сочли возможным заочно включиться в дискуссию о проблеме соотношения этих факторов с точки зрения их воздействия на кризисные явления в аграрном секторе экономики, а также обнаружении механизмов и вариантов преодоления кризиса, вырабатываемых непосредственно в крестьянском хозяйстве. Удачным моментом в работе представляются и попытки поиска причин и предпосылок кризисных явлений в сельскохозяйственной области за пределами очерченных хронологических границ.

В постановочной части монографии исследователи, ставя широкий круг задач, предполагающих раскрытие условий функционирования крестьянского хозяйства в означенный хронологический период, принимают в расчёт соотношение внешних и внутренних составляющих аграрной экономики России. Выявление содержания процесса трансформации форм землевладения и землепользования осуществляется с учётом динамики основных отраслей аграрного комплекса региона, методов и результатов заготовок сельскохозяйственной продукции, а также демографического и социально-экономического состояния деревни и крестьянского двора.

Масштабность цели и задач исследования обратили авторов к серьёзному осмыслению и классификации существующих в историографии подходов к механизмам функционирования аграрного сектора, в отдельных ситуациях иного прочтения и интерпретации имеющегося массива источников. В.М. Рынков и В.А. Ильиных справедливо отметили некоторую эфемерность границы между источниками и историографией вопроса, принимая во внимание тот факт, что первыми к проблемам аграрного строя в России эпохи войн и социальных пертурбаций обратились именно современники, часто не имеющие отношения к собственно историческому цеху. Вместе с тем период государственного «абсентизма», обусловленного ситуацией социально-политического хаоса, до известной степени освободил специалистов в области аграрного

вопроса от вмешательства власти в процессы научной рефлексии. В этой связи материалы сельскохозяйственных переписей, сведения со статистико-экономическими данными о состоянии аграрного производства, в составлении которых активное участие в 1920-х гг. принимали представители науки, могут рассматриваться не только в качестве аналитических трудов по текущему состоянию аграрного сектора экономики, но и как репрезентативный источниковый материал, проливающий свет на сложные динамические процессы эволюции аграрного строя Российской империи / СССР в продолжительных хронологических параметрах. Более того, в рецензируемой монографии авторы умело оперируют аналитическими выводами статистиков, «поверяя» ими привлекаемые материалы законодательного и делопроизводственного характера.

В монографии обращение авторов к степени изученности темы в означенном аспекте представляется важным и с точки зрения будущего историографического дискурса по вопросам аграрного развития региона. Активная включённость в исследование аграрного вопроса непосредственных участников его решения – статистиков, деятелей сельскохозяйственной сферы, так или иначе задала и определённую парадигму обсуждения проблем землевладения, землепользования, функционирования животноводческого комплекса, а также факторов социально-демографического развития деревни в советской исторической науке ортодоксального периода. В марксистско-ленинской (по сути позитивистской) историографии манкирование фактами и аналитическими выводами так называемых «буржуазных» историков всё-таки имело определённый предел. В этом отношении ярким примером является отмеченная авторами полемичность в обсуждении аграрного вопроса в Сибири, в частности дискутируемая тема влияния Первой мировой войны на продуктивность сельскохозяйственного сектора региона. Совершенно справедливо исследователи указывают и на прирост массива фактического материала, который, несмотря на одиозность трактовки в условиях существующей идеологии, оказался востребованным в современной историографии вопроса.

В основной части работы В.М. Рынковым и В.А. Ильиных был решён ряд существенных вопросов, связанных с организацией землепользования и землевладения. Исходным моментом в рефлексии данной проблемы стало утверждение, сообразно с которым эволюция аграрного строя Сибири, являвшегося продуктом производственных отношений, в период революционных преобразований детерминировалась широким спектром факторов. К числу главных авторы относят сельское (крестьянское) самоуправление и аграрные переселения, что само по себе помещало аграрный вопрос в Сибири в жесткую систему координат взаимодействия крестьянского социума и властных структур. В этой связи представляется оправданным выход исследователей за пределы хронологических рамок,

зафиксированных во вводной части работы, и апелляции к результатам форсированной переселенческой политики в начальной фазе столыпинской аграрной реформы, приведшей к сокращению земельного фонда, что повлекло за собой рост поземельных конфликтов и дало толчок протестному движению в крестьянской среде. Анализируя процессы противоборства переселенцев и старожилов, авторы, опираясь на материалы официального делопроизводства, успешно вскрыли природу аграрного вопроса в Сибири и выявили основные признаки «стихийной» приватизации земельного фонда, начавшейся в 1917 г. ещё до прихода к власти большевиков. Тем самым в сибирской деревне были созданы условия для предстоящей национализации.

Характеризуя содержание данного этапа аграрной революции в Сибири, авторы монографии справедливо констатируют факт резкого ослабления влияния властных органов на организацию землепользования и землевладения и усиление роли крестьянского самоуправления в земельных преобразованиях.

Ключевым фрагментом работы следует признать раздел, посвящённый динамике сельскохозяйственного производства и функционированию зернового хозяйства. Авторы монографии верно отмечают традиционное доминирование зернового производства в аграрном секторе экономики Сибири. Действительно, массовое переселенческое движение второй половины XIX – начала XX в. способствовало фиксации населения именно на сельскохозяйственной сфере. Более того, для российского крестьянства трансляция аграрного опыта и традиций в новые условия существования являлась и надёжным вариантом сохранения сословной идентичности. Авторам монографии в полной мере удалось доказать, что ни разрыв старых хозяйственных связей, ни объективные рыночные затруднения, ни факторы мобилизации мужского населения в годы Первой мировой войны не дестабилизировали ситуацию в земледельческом хозяйстве Сибири. Краткосрочная стагнация производства сменилась экономическим подъёмом, расширением распашки, характерным для первого революционного трехлетия. К сожалению, выводы исследователей по данному вопросу выглядят поверхностными, констатационными. Возникает острое ощущение некоторой обезличенности аграрного процесса в сибирской деревне, в то время как увеличение объёма земледельческой продукции, обеспечившее восстановление отрасли, являлось естественной реакцией крестьянства на возникшее безначалие. Актуализация роли крестьянского самоуправления, вкупе со сложившимся богатейшим агротехнологическим опытом, привели к краткосрочному прецеденту реализации крестьянского идеала свободного хозяйствования на земле. В этой связи аналитические умозаключения исследователей стали бы более убедительными, обратись они не только к сухим статистическим показателям, избыточно представленным в работе, но и к источникам личного про-

исхождения, иллюстрирующим настроения, надежды и опасения, существующие в крестьянской среде.

В рецензируемой работе процесс развития и эволюции зернового хозяйства в Сибири разворачивается в тесной контекстной связи с другими отраслями аграрного сектора региона. Размышляя о факторах развития животноводства и его производных отраслях, В.М. Рынков и В.А. Ильиных констатируют возникновение серьёзных диспропорций в становлении скотоводческой отрасли, уходящих своими корнями в годы активизации переселенческого движения. Именно в период форсированной реализации программы столыпинских переселений произошёл существенный перекос в сторону земледелия, дававшего сиюминутную отдачу. Несмотря на то что включение региона в модернизационные процессы, детерминируемые строительством и началом полномасштабного функционирования Транссибирской магистрали, способствовали росту эффективности земледелия, такое положение вещей могло сохраняться только в относительно спокойные, неэкстраординарные периоды. Авторы монографии весьма доходчиво, опираясь на материалы статистики и делопроизводства, доказывают, что сложившаяся в земледельческих районах Сибири моноэкономическая модель дала первые «пробоины» в годы Первой мировой войны, когда к массовой мобилизации добавились обстоятельства метеорологического характера, что существенно сократило производственные возможности аграрного сектора экономики.

Соглашаясь с аргументом исследователей в пользу того, что в военные годы действовали не только сдерживающие, но и стимулирующие факторы развития сельского хозяйства (внешний спрос со стороны армии, а также населения городов), всё-таки заметим, что расширение запашки, рыночная переориентация крестьянских хозяйств в рассматриваемый период приводили и к росту энергетических и трудовых затрат со стороны крестьянства, что во многом диссонировало с представлениями крестьян о труде и справедливости. В этой части у рецензента возникает целый ряд вопросов. Как крестьянство в условиях форсированной модели аграрного производства реагировало на объективные

вызовы эпохи, в частности увеличение нормы эксплуатации? В каких формах реализовывалось протестное движение крестьянства и существовало ли оно вообще? Насколько физический потенциал земледельческого населения, выражающийся в здоровье и характере питания, позволял добиваться высоких хозяйственных результатов? В монографии, на основании сведений статистики, формулируются выводы о демографических процессах в период войн и революций, размерах посевных площадей, состоятельности крестьянских хозяйств без серьёзного анализа социокультурных трансформаций, происходящих в масштабах крестьянского двора региона. Симптоматично, что и в заключительном сегменте исследования социально-демографические аспекты проблемы также выпали из поля зрения авторов.

Структура работы, на наш взгляд, излишне традиционна, что проявилось в названии глав, слабо отражающих проблемный аспект исследования.

Несмотря на отдельные замечания, носящие, безусловно, полемический характер, монография В.М. Рынкova и В.А. Ильиных «Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг.» необыкновенно своевременна.

Первая причина тому – окончательное развенчание одиозного марксистского мифа о непрерывном упадке и деградации аграрного сектора экономики Сибири в досоветский период. Авторам в полной мере удалось показать дискретность и флуктуационность процесса эволюции аграрного производства в катастрофические периоды российской истории, выявить и зафиксировать факторы, обеспечившие подъёмы и спады экономики в избранных хронологических границах.

Вторая причина заключается в попытке конструирования своеобразного «моста», связывающего воедино процессы аграрной колонизации восточных окраин страны, помимо идеологических критериев периодизации, искусственно насаждаемых в советский период, что свидетельствует о принципиально новом авторском подходе к оценке процессов и явлений в аграрной сфере Сибири, рефлекслируемых исследователями вне жёстких и заранее предначертанных схем.

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

REVIEW: RYNKOV V.M., ILYINYKH V.A. DECADE OF UPHEAVAL: AGRICULTURE SIBERIA 1914 AND 1924. / ED. A.A. NIKOLAEVA. NOVOSIBIRSK, 2013. 244 p.